

ских фигур. В сцене отправки клобука из Византии, например, в полном соответствии с текстом Повести, мы видим и плачущего патриарха, и рядом с ним монаха, держащего открытый ларец для упаковки клобука, и целую толпу присутствующих в храме — духовенства и мирян, среди которых несколько фигур в богатых костюмах. Особенно тщательно, живо и интересно изображены две последние сцены, происходящие в Новгороде. Сцена встречи клобука, написанная столь же широко, как и сцена избияния младенцев, — сложная многофигурная композиция. В центре ее — две фигуры в архиерейских мантиях, держащие ларец; сзади них два монаха держат другой ларец побольше. Это все в полном соответствии с текстом Повести: новгородский архиепископ Василий принимает ларец с клобуком от греческого епископа; подарки от патриарха находятся в другом ларце. Эту величаво-статичную группу духовенства оживляют две бойко жестикулирующие фигуры мужчин-мирян, помещенные левее. Таким скупым, но выразительным приемом достаточно убедительно передано волнение ничего еще не знавших новгородцев, которых Василий неожиданно собрал на встречу посланцев патриарха звоном во все колокола. Наконец, еще одна деталь, показывающая, что действие происходит именно в Новгороде, — две фигуры бояр в свите Василия. Это либо посадники новгородские, либо «владычные бояре» (рис. 4).

Еще более определенно локализована последняя, заключительная композиция на сюжет Повести о белом клобуке. Храм, в котором происходит действие, при всей условности своего изображения, отличается от того храма, в котором Константин возлагает белый клобук на Сильвестра, и от того, где византийский патриарх отправляет клобук на Русь. Перед нами трехнефный храм, вверху которого нарисован образ Спаса с бородой (до сих пор в сценах, происходящих в Риме и Византии, он изображался без бороды), и это — несомненно новгородская София, а Спас — знаменитый Пантократор в куполе собора. Стоящий в центре епископ изображен в фелони, белом клобуке и омофоре с крестами (в тех самых «крестчатых ризах», которыми, по единодушному свидетельству летописцев, архиепископ Василий был награжден московским митрополитом Феогностом). Заключительная композиция на сюжет Повести о белом клобуке по краскам самая светлая и яркая из всего цикла. Здесь много белого цвета, символизирующего праздничность изображенного события. Последнее подчеркивается также особенно тщательно выполненной белой узорчатой рамкой, увенчанной тремя главками с красивыми удлиненными крестами.

Какие выводы можно сделать из наблюдений над стенписями Воскресенского собора, иллюстрирующими произведения древнерусской литературы? Прежде всего это именно — и в полном смысле этого слова — иллюстрации литературных произведений, а не «вольные импровизации», которые наблюдаются в изображениях библейских сюжетов. В этих вольных импровизациях на стенах и сводах галереи-паперти Тутаевского собора мы видим множество реалистически изображенных фигур людей, диких и домашних животных, а также трудовых процессов и бытовых сцен. Таковы сцены постройки Ноева ковчега и Вавилонской башни, в которых изображены приемы работы русских плотников и каменщиков XVII века, композиция на текст «Отче наш» и многие другие изображения, изобилующие подробностями, на которые нет никакого намека в тексте соответствующих им произведений.

Совсем другое мы видим, когда художники-монументалисты обращаются к темам из русской литературы; здесь чувствуется прежде всего хорошее знание содержания иллюстрируемых произведений. Художники, расписывающие стены паперти-галереи Воскресенского собора, очевидно,